3.
4. Брагинский Э.В.
5. Авантюристка
6. Тамбов — обл. драм. театр им. А.В. Луначарского
7. реж. — Новиков В.
худ. — Золотарева Н.

„Авантюристка"
(„Такой непонятный визит"
Э. Брагинский

1985, март
Тамбов
Драм. т-р

15 МАР 1985

ТАМБОВСКАЯ ПРАВДА

ЧТО В СИЛАХ ТЕАТРА...

Заметки о спектакле

Сюжет комедии Э. Брагинского «Такой непонятный визит...» («Авантюристка»), внешне занимателен, в чем-то даже экстравагантен. Впрочем, это присуще многим комедиям драматурга, особенно написанным в соавторстве с Э. Рязановым. Неповторимая тональность, смелость и необычность (или неприличность?) комедийных ситуаций в соединении с мягким, ненавязчивым лиризмом, пронизанным юмором в духе времени, — все это создает привлекательное театральное зрелище, где есть пища и для души, и для ума. Своеобразное стилевое единство и цельность, отличающие пьесы драматурга, тонкость смысловых и игровых нюансов, переменчивая игра душевных страстей персонажей должны непременно и самым тщательным образом учитываться при постановке. Причем не следует забывать и о том, что в силах театра сделать более ясной и насыщенной трактовку той или иной сцены, высветить суть образа, поставить нужный акцент и т. д. То есть, подойти к материалу творчески, даже в чем-то углубить замысел автора, постараться преодолеть огрехи, возможно, даже внутренние противоречия драматургического произведения.

В спектакле Тамбовского драмтеатра (постановка В. Новикова, художник Н. Золотарева, музыкальное оформление А. Новикова, в основном, дабы не нести повсеместности твердая линия в прочтении пьесы. Режиссерский почерк неровен и порой противоречив. И дело даже не в том, или не только в том, что некоторые основания для этого дает сама пьеса. Перед нами комедия — бытовая комедия — со всеми, что называется, вытекающими отсюда последствиями. Как и полагается произведению искусства, она поднимает определенную тему, обладает своей идейной направленностью. Если говорить в широком смысле, то темой пьесы «Такой непонятный визит...» является ответственность человека перед человеком. И перед самим собой. Лирически возвышающим мотивом, переходящим в кульминацию, становится возрождающееся через много лет, а говоря точнее, заново родившееся чувство любви между главными героями, их душевное и нравственное обновление.

Видимо, это и должно было стать своего рода точной отсчета. Это обязано было продиктовать стилевое построение спектакля, комедийного по форме, но драматичного по содержанию. Комедийность, и местами неплохого качества, в спектакле присутствует. Хотя сразу надо сделать поправку на то, что выпячивание некоторых плоско-стандартных словечек, шуточек отнюдь не украшает его. А вот драматичность содержания, предполагаемая смыслом пьесы, оказалась далеко не на том уровне, которого следовало бы ожидать. Естественно, и идейная отдача получилась несколько ниже.

Особенно страдает этим первая часть постановки. Начнем со вступления. Бравурный цирковой марш (кстати, он стал как бы лейтмотивом происходящих событий и повторялся неоднократно), выход актеров на манеж циркового склада вносят в театральное действо определенное оживление, приподнятость, игривый настрой, но в то же время придают ему характер этакой, мягко говоря, чрезмерной раскованности. Такой зачин оказывается заразительным, и в этом ключе проходит все первое действие. Но за водевильной суетливостью, нарочитой шутливый тонус не просматривается замысел, плохо улавливается смысловой акцент актерской игры.

Во втором действии, словно бы спохватившись, начинают расставлять точки над i. Внутренняя логика развития событий заставляет менять сталь спектакля. Но вот в чем дело. Инерция, все повторяющаяся бравурность марша словно бы нетерпимо повисают на действии, на игре актеров. А действие, между тем, приобретает ярко выраженный драматический характер. И тогда на вооружение берется надрывная многозначительность, мелодраматизм. Как спасительная палочка-выручалочка. Она и спасает в какой-то мере.

Но несоответствие формы и содержания, стилистический разнобой начинают мстить за себя. Например, тем, что кое-кто из актеров с трудом находит психологически точную, выверенную линию поведения своего героя. Опытная С. Коломина, исполняющая главную женскую роль, на которую ложится основная нравственная нагрузка в спектакле, при всей индивидуальности и экспрессивности актерского почерка с трудом нащупывает, образно говоря, сердцевину, болевой нерв в трактовке характера Елены Кирилловны Лебедевой — женщины гордой, независимой, но в силу сложившихся обстоятельств вынужденной «наступать на горло собственной песне». И на отношениях ее с Олегом Никитичем Певцовым лежит отпечаток надерганности, противоречивости. Манера игры актрисы то приближается к грани буффонады, шаржирования, то приобретает черты мелодраматизма, то вообще становится сконвой. Мастерство, профессионализм Коломиной в итоге все же сказываются, в ряде сцен ее героиня по-настоящему достоверна, чувствуется в ней цельность натуры, незаурядность характера. Но в целом законченного образа не получилось.

Стилевая «непричесанность» постановки особенно злую шутку сыграла с образом Махонькова. Сам по себе этот персонаж довольно странен и смутен. Но если в суматошности, откровенной развлекательности первого действия его поведение еще как-то вписывается в общий фон и атмосферу, то в дальнейшем, когда четче начинает проявляться драматический подтекст происходящего, создается впечатление, что Махонькой в лице артиста Ю. Берладина порой просто не знает, что ему делать, как вести себя. Излишняя, скажем так, подвижность уступает место скованности. Отношение Махонькова к возникшему между Певцовым и его старшей дочерью конфликту никак не проявляется, хотя, став мужем Валентины, он по логике событий должен был сыграть активную роль в этом конфликте как лицо заинтересованное. Создается впечатление, что актер просто стал в тупик, не нашел для своего героя линию поведения.

А вот в обрисовке характеров дочерей Олега Никитича — Вали (Л. Васильченко) и Марины (И. Замуруева) определяющей становится стандартизация внешней манеры поведения, чувств, мироощущения. Фигуры эти настолько похожи на подобные же в современных пьесах, настолько выглядят, так сказать, среднестатистическими, что о человеческой индивидуальности их трудно даже говорить. Правда, Л. Васильченко все же пытается находить в своей героине индивидуальные черточки, но довольно несмело это делает. Заданность функций подавляет живое начало в этих персонажах. В этом плане примыкает к ним и слишком прямолинейный образ заведующей здравотделом Крохиной в исполнении Н. Антиповой.

Наиболее ровно, с хорошим запасом творческой прочности играют в спектакле В. Катушенко, К. Фурман и заслуженный артист РСФСР Д. Дульский. Олег Никитич — ученый, крупный математик, человек занятой, живущий в мире строгих формул, и потому, может быть, сам немного не от мира сего. И вдруг на него обрушивается известие: он отец юного математического дарования, о котором не знал и не ведал. Реакция Певцова однозначна и именно такова, какой должна быть у человека подобного склада. Он иронизирует, в его речах звучит недоверие к глупой небылице или, возможно, шутке, потом возмущение...

К. Фурман как-то сразу, мягко и ненавязчиво, с точно выверенной мерой достоверности делает набросок характера своего героя. В дальнейшем характер этот углубляется, начинают высвечиваться новые его грани. И в глазах зрителя все возрастает нравственный потенциал Певцова — человека порядочного, совестливого, способного на глубокое чувство, душевно ранимого. Актер не торопится выпячивать эти качества и другие добродетели своего персонажа, относится к нему даже с юморком. Он не форсирует событий — Певцов раскрывается постепенно и, что самое важное, в действиях, поступках. В этом несомненна заслуга исполнителя. В упрек Фурману можно поставить проявляемую временами наигранность. Особенно заметна она в сцене, когда Валентина предлагает отцу оформить завещание — с той якобы целью, чтобы семейное добро не перешло в руки чужой женщины. Здесь герой должен был проявить больше мудрости и меньше показной обиды. Образ Певцова от этого только выиграл бы, стал полнокровней и объемней.

Павел Вениаминович Сухарев, тоже ученый, друг и сосед Певцова, дополняет и в какой-то мере разъясняет ту же линию человеческой порядочности и совестливости. В интерпретации Д. Дульского он добряк и немного мудрец, увлеченный своим делом человек, утешитель и, своего рода, буфер в беспокойном поезде жизни. Игра в Бима и Бома, которую ведут Сухарев и Певцов, — для них не просто развлечение. В ней они — родственные души — находят мудрость простых истин, отдохновение для души. Непритязательность шутливых реприз — это словно бы щит, за которым хоть на короткое время можно укрыться от повседневной лавины стрессовых будней.

Спектакль, как видим, получился неровным, с целым рядом недоработок. Но, резюмируя впечатления, следует заметить, что он находит своего зрителя. Это немаловажно, как и то, что удачи в нем тоже есть. Потенциальные предпосылки к дальнейшей работе над спектаклем, думается, реальны. И такая работа необходима. Ради зрителя, идущего в театр. Ради собственной творческой удовлетворенности.

В. ГАРМАШ.